

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 30—37.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 30—37.

Научная статья

УДК 821.112.2-2

DOI: 10.46726/И.2024.2.4

КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ГЕРАКЛА В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ХАЙНЕРА МЮЛЛЕРА

Анна Сергеевна Фролова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия, froenka@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые в отечественном литературоведении рассматривается эволюция образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера: в драме «Геракл 5» (“Herakles 5”, 1964), интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» (“HERAKLES 2 ODER DIE HYDRA”, 1972) и в стихотворении «Геракл 13» (“Herakles 13”, 1991). В ходе анализа трёх текстов, значительно отдаленных друг от друга по времени создания, делается вывод о том, что определяющим вектором развития фигуры Геракла является проблематизация его собственной субъектности. Геракл переживает своего рода экзистенциальную трагедию: от осознания своего зависимого положения в системе социально-экономических отношений он движется к фактически полной потере идентичности и безумию как последней стадии. В заключение отмечается, что фигура Геракла историзируется Хайнером Мюллером и рассматриваются в современных драматургу социально-политических реалиях. Это особенно актуально для пьесы «Геракл 5», представляющей собой сатиру как на капиталистическую, так и на социалистическую модель общественного устройства, и интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА», являющейся составной частью драмы «Цемент». В этих текстах фигура Геракла связана с воплощением образа героя социалистического труда и «нового человека» соответственно.

Ключевые слова: античность, диалектический образ, субъектность, сатирическая пьеса, интермедия

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00559 «Античный код в проблемном поле русско-немецких театральных взаимосвязей»

Для цитирования: Фролова А.С. Концепция образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 30—37.

Хайнер Мюллер, крупнейший немецкий драматург, поэт и режиссер, разработавший уникальную форму актуальной политической драмы второй половины XX века. Поднимая вопрос о роли и положении каждого отдельного человека в историческом процессе, Хайнер Мюллер создаёт оригинальные диалектические образы виновника и жертвы, победителя и убийцы¹. Материалом для воплощения подобных образов часто становится античный миф: так, в фигуре Геракла драматург обнаруживает и проявляет диалектику раба и

© Фролова А.С., 2024

¹ См.: Фролова А.С. Поэтологические доминанты экспериментального триптиха Хайнера Мюллера: «Филоктет» (“Philoktet”), «Гораций» (“Der Horatier”) и «Маузер» (“Mauser”) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 409—411.

героя. В статье впервые в отечественном литературоведении последовательно рассматривается трансформация и развитие образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера: в драме «Геракл 5» (“Herakles 5”, 1964), интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» (“HERAKLES 2 ODER DIE HYDRA”, 1972) и в стихотворении «Геракл 13» (“Herakles 13”, 1991).

По мысли Ханса-Тиса Лемана, многократное обращение Хайнера Мюллера к мифу о Геракле связано с центральной проблемой, «навязчивым мотивом» [Lehmann: 543] (здесь и далее перевод с немецкого наш. — А. Ф.) его творчества — вопросом о труде, работе. В мифологии, с точки зрения самого драматурга, Геракл представляет собой первую фигуру рабочего, также как Ясон — первого колонизатора.

Значимость мифа о Геракле в творчестве Хайнера Мюллера также отмечали русскоязычные исследователи. В.Ф. Колязин обращает внимание, что путь Геракла в мюллеровской трансформации мифа — «это, в сущности, путь Фауста, путь познания и созидания» [Колязин: 12]. В.Э. Биктимиров, подчеркивает противоречивость образа героя: так, несмотря на то что «Геракл Мюллера — это раб системы государственного управления» [Биктимиров: 167], он «оказывается единственным, кто способен изменить привычный традиционный уклад, преобразовать Хаос в Космос» [Там же: 168]. Подчеркнем, что, на наш взгляд, образ Геракла можно рассматривать не в рамках одного произведения, а в его динамическом развитии в целом ряде текстов Хайнера Мюллера, отличающихся друг от друга как по жанру, так и по времени создания. Так, Геракл переживает своего рода экзистенциальную трагедию: от осознания своего зависимого положения в системе социально-экономических отношений он движется к фактически полной утрате собственной идентичности и безумию.

Впервые к сюжету о подвигах Геракла драматург обращается в 1964 году, начиная работу над пьесой «Геракл 5». Вместе с драмой «Филоклет» пьеса была опубликована в издательстве «Зуркамп» (Suhrkamp) в 1966 году. Мюллер отходит как от жанра производственной драмы (Produktionsstück), так и учебной драмы (Lehrstück), и обращается к форме сатирической пьесы (Satyrspiel)². Пьеса Мюллера — это сатира как на капиталистическую, так и на социалистическую модель экономического и социального устройства; на героизацию человека труда, свойственную произведениям социалистического реализма. Так, несмотря на то, что Хайнер Мюллер принял «социализм как единственную реальную альтернативу капитализму и фашизму» [Гугнин: 516], он фактически сразу перешел к критической рефлексии его конкретного исторического варианта в ГДР.

Понятие героического в пьесе сразу оказывается пронизано и определено рыночными отношениями. Геракл сам назначает цену своей работы, пятого подвига — очищения стойл Авгия от навоза и Фив от невыносимой вони: «Число быков в награду по числу и трудности работы» [Мюллер: 67], и даже пытается предложить оплату быку: «Получишь пять тюков травы. <...> Ещё на небесах корову» [Там же: 74]. Появляющийся в пьесе Зевс также мыслит в экономических категориях, призывая Геракла выполнить свою работу и получить награду.

Основной конфликт пьесы разворачивается вокруг характера требования фиванцев: они желают получать больше мяса (Fleisch), но не хотят

---

² Известны сатирические драмы Еврипида («Алкеста») и комедии Аристофана («Лягушки»), в которых возникает подчеркнуто смеховой образ Геракла.

сталкиваться с издержками его производства — навозом (Mist), дерьмом (Kot) и вонью (Gestank). Идею о невозможности безотходного производственного процесса развивает Авгий в диалоге с Гераклом: «Дерьмо — условие существования мяса. И его последнее воплощение» [Там же: 69]. Абсурдность желания фиванцев, непосредственно не участвующих в изготовлении мяса, а только потребляющих его, подчеркивается сатирической репликой Авгия, указывающего также на общий социально-политический упадок: «Единственный выход для испражняющегося сообщества — демократия мертвых» [Там же: 69].

В пьесе устанавливается параллель между течением производственного процесса и положением Геракла. Так, лексика, используемая Гераклом для самоопределения, идентифицирует его с остатками производства: “Der Misthaufen bin ich, die Stimme aus dem Kot ist meine Stimme, unter der Maske aus Kot mein Gesicht” [Поэтическая драма: 80] («Я куча навоза, голос из дерьма — мой голос, под маской из дерьма мое лицо» [Там же: 71]). Само понятие “Fleisch” также является многозначным и может быть прочитано одновременно как «мясо» и «плоть». Так, тело Геракла, пронизанное и опосредованное работой, отчуждается: оно скорее рана (Wunde), мясо, чем плоть. Телесная, физиологическая метафорика пьесы тесно связана с проблематизацией идеи господства человека над природой (Геракл поворачивает реки и срывает с неба солнце) и вопросом о внутренней природе человека, которая берет верх над Гераклом в финале пьесы (плотское влечение к проплывающей на облаке обнаженной Гебе становится главной мотивацией для героя). Геракл, которым движут два желания: избавиться от непосильного труда и узнать причины, по которым именно он должен выполнять эту работу, оказывается в своеобразном замкнутом круге.

Противопоставление физического и интеллектуального труда, положения работника и мыслителя также акцентировано в фигуре Геракла. Вопрос о самоопределении, возникающий в монологах Геракла, намечает трагическую линию пьесы, которая каждый раз оказывается оборвана фиванцами. Жители Фив воспринимают речь Геракла как представление, разыгранное в театре, и воплощают собой не только общество, конфликт индивидуального и социального; но и новый тип зрительского отчуждения, невозможность эмпатической связи и создания трагедии.

В монологах Геракла особенно важно языковое напряжение, которое достигается за счет внимательной работы драматурга с фонетической и семантической структурой слова и с графической организацией текста. Так, обращение Геракла к фиванцам начинается с крика, равного длине строки; а заканчивается прерыванием самого себя: «Ну и так далее» [Там же: 72]. Пограничное положение Геракла подчеркивается через созвучие слов «виновник», «преступник» (Täter) и «подвиги» (Taten): “Das hat seine fünfte Tat gemacht aus Herakles, dem Täter eurer Taten” [Поэтическая драма: 80] («Вот что с Гераклом сделал пятый подвиг, с героем ваших подвигов» [Там же] в переводе А. Филиппова-Чехова). Подвиги фактически превращаются в преступления, а победы (Siege) «втискивают» Геракла в Геракла. Героическое, таким образом, становится не только преступным, но также формой и следствием рабства, вынуждающего Геракла быть Гераклом. Быть героем — это работа Геракла, полностью его деперсонализирующая. Многократное повторение однокоренных слов (Sieger, besiegen, Siege) и имени героя делает ощутимым диктат языка, с одной стороны, и разрыв означаемого и означающего — с другой: “ein Sieger, besiegt von seinem Siegen, Herakles in Herakles gezwängt” [Поэтическая драма: 80] («победа

победила победителя, заставила Геракла быть Гераклом» [Там же]). Так, отчуждение субъекта проявляется и на языковом уровне.

Высвобождение телесности и субъектности Геракла, мечтающего остановить время и вернуть назад свои подвиги, чтобы не совершать следующих, в пьесе оказывается принципиально невозможным. Толпа фиванцев указывает на диалектичность мысли героя, высмеивая ее: «Голоса: *Послушайте, как он думает. Это же диалектика. Геракл мыслитель*» [Там же]. Сатирическая реплика не только подрывает трагизм монолога Геракла, но и обнажает внутреннюю диалектику драмы, приостанавливая ее движение. Таким образом, в пьесе «Геракл 5» вопрос личной эмансипации Геракла неразрывно связан с проблематизацией труда и производства, закрепощающего и отчуждающего человека от самого себя. Также отметим, что фигура Геракла, как и понятие работы, историзируются Х. Мюллером и рассматриваются в современных драматургу социально-политических реалиях. Намеченная в пьесе проблема утраты субъектности развивается Хайнером Мюллером в следующем воплощении образа Геракла.

Экзистенциальное одиночество Геракла предельно обнажено в интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» (1972), в которой герой движется через лес «один на схватку со зверем» [Там же: 144]. Феноменологическое недоверие, обман чувств, утрата ощущения времени и возможности его определить («В первые дни и ночи, или это были только часы, как без неба мог он узнать время» [Там же: 145]) разрастаются до недоверия историческому времени и мыслям о произошедшей смене эры: «Может быть, он и сам уже слишком долго был в пути, целую эру» [Там же]. Лес, фактически лишенный природных признаков, становится испытанием: он захватывает, затягивает внутрь себя и одновременно проникает в тело, разделяя его на части. Интенсивность и автоматизм являются главными характеристиками этого леса, обманывающего Геракла в его собственном движении: «Он знал, что никогда еще не бежал так быстро. Однако не продвинулся ни на шаг, лес держал темп» [Там же]. Так, момент максимального физического, телесного усилия, обострения боли и паники совпадает с драматургическим напряжением. Геракл обнаруживает, что само пространство, ландшафт, является зверем, ни разу не названным в тексте по имени, битва с которым уже идет: «лес и был зверем, давно уже лес, по которому он только думал, что шел, был зверем, что нес его в темпе его шагов» [Там же].

Лес как пространственное измерение ещё раз подчеркивает, на наш взгляд, не только утрату собственной субъектности Геракла, но и утрату механизмов ее различения, невозможность отличить себя от внешнего — зверя, врага, «который воплощал собой его существование и за пределами сражения с которым его или никого, может быть, уже поджидало ничто» [Там же: 146]. Так, Геракл ощущает, что он сам есть и Гидра, и лес, в котором он стиснут и который он меняет, пишет собственным телом, «почерком своих подвигов и смерти» [Там же]. Геракл здесь близок оставленному на Лемносе Филоклету из одноименной драмы, который по точному наблюдению Джанин Людвиг, председателя международного общества Хайнера Мюллера, «находится в диалектически-симбиотических отношениях с ландшафтом острова и даже со стервятником, ожидающим его смерти» [Ludwig: 235].

Тиль Ничман и Флориан Фассен в своей книге «Прибрежный ЛАНДШАФТ Хайнера Мюллера» с характерным подзаголовком «Границы — смерть — искажение» (“Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFTEN”, “Grenzen — Tod — Störung”, 2021) также замечают, что граница между субъектом и

объектом в ландшафтах Хайнера Мюллера стирается в двух направлениях: ландшафт одновременно возникает как крайне субъективное сюрреалистическое пространство сновидения и как внешнее объективное пространство, разрушающее, деконструирующее наблюдающего, созерцающего субъекта. Так, в тексте «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» «ландшафт оказывается мифологическим животным и вместе с тем фантазией, фантазмагорией и новой реальностью для самого Геракла» [Nitschmann, Vaßen: 18]. Проблеме идентификации, слияния себя с врагом посвящена и пьеса «Геракл 5», которую сам драматург называет «комической, оптимистической гдр-овской версией» [Kluge] этого сюжета.

Несмотря на формально-содержательную целостность текста «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА», необходимо отметить, что он является интермедией в пьесе «Цемент» (Zement, 1972), написанной Хайнером Мюллером по одноименному роману Фёдора Гладкова. Так, в контексте пьесы «Цемент» возникновение фигуры Геракла неслучайно, он может быть соотнесен с главным героем, Глебом Чумаловым и рассматриваться как олицетворение «нового человека», коммунистического героя, а лес в таком случае — «как шифр для «многообразных сил контрреволюции» [Kruschwitz: 219]. Следует также отметить, что в советской культуре (в агитационных плакатах, текстах и даже мультипликации³) фигура Геракла существует как самостоятельный знак, «воплощение мирового пролетариата в борьбе против гидры капитализма или империализма» [Kluge]. Трагическое положение Геракла Мюллера в интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» скорее подрывает устойчивый идеологический образ.

Итак, по собственному замечанию драматурга, к моменту окончания работы над «Цементом» у него появляется замысел нового произведения, для которого принципиально значимым становится безумие Геракла «как последняя стадия» (Wahnsinn als letzte Phase). «На самом деле, фигура Геракла драматически интересна только с точки зрения ее конца, если принять за конец эту стадию безумия, убийство детей и собственное самоубийство» [Kluge], — говорит Хайнер Мюллер в разговоре с Александром Клюге. Согласно мифу, ослепленный безумием, которое насылает на него богиня Гера, Геракл убивает жену и детей и в глубокой скорби отправляется на службу к царю Эврисфею. С этого начинается его работа. Сюжет о безумии разворачивается Хайнером Мюллером в стихотворении «Геракл 13», написанном в последние годы жизни в 1991 году.

За основу стихотворения Мюллер берет монолог вестника из второго акта трагедии Еврипида «Геракл». Стихотворение разделено на две неравные по объему части, озаглавленные цифрами 1 и 2. Начальные строки выходят за рамки мифологического сюжета: «Тринадцатый подвиг Геракла был освобождение / Фив от фиванцев» [Мюллер: 99]. Факт совершения тринадцатого подвига, перемещающий нас в будущее Геракла, освободившегося из-под власти Эврисфея, с одной стороны, связан с долгожданным обретением собственной субъектности Геракла. В тоже время грамматическая конструкция прошедшего времени встраивает новое действие в продолжающуюся череду подвигов и подчеркивает невозможность ее прерывания. Интересен игровой характер нового подвига, связанный с языковым освобождением. Так, внутренняя форма слова наименования жителей — «фиванцы» — зависит от названия города — «Фивы». Такая «зависимость» на языковом уровне является многозначной, в ней обнажается сложность разграничить и отделить общество и

³ См.: Ерохина Т.И., Коровкина А.А. Эволюция образа Геракла в советской мультипликации // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 2 (125). С. 206—212.

индивидуальность от государства. Своим тринадцатым подвигом Геракл разрывает связь места и имени. Таким образом, разрешается и конфликт Геракла с интересами Фив, намеченный в пьесе «Геракл 5»: «Что мне до Фив, кто вы вообще все такие?» [Там же].

Характерное как для драматургии, так и для поэзии Хайнера Мюллера отсутствие синтаксических связей, семантического и пунктуационного обозначения диалогов (реплик жены, сыновей, слуг, самого Геракла) во второй части стихотворения подчеркивают непрерывность событий; а строгая ритмическая и графическая структура, разбивка на строки, делающая ощутимой цезуры, отделяющие слова друг от друга — организованность и замкнутость речи и действия. Так и задачи, выполняемые Гераклом, всегда связаны с уничтожением и смертью и избежать их можно только ценой новой жертвы — убийством Эфрисфея: «Украсив дом главою Еврисфея / Я руки бы омыл от смерти / Которой все мои враги погибнут» [Там же: 100].

Возникающий в финальных строках стихотворения мотив недостижимости беспамятства, традиционно даруемого сном, акцентирует трагичность судьбы Геракла и невозможность другого будущего. Неточная перекрестная рифма ритмически подчеркивает эмоциональную тональность концовки стихотворения: «Убив жену с двумя детьми / Он спит счастьем оставленный сном / Несчастливым Я не знаю кто еще из смертных / Столь тяжкие труды свершил как он» [Там же: 102]. Немецкий композитор и музыкальный режиссер Хайнер Гёббельс, обращая внимание на важность музыкально-ритмического строя и композиционной структуры текстов Хайнера Мюллера, замечает, что он «не сочиняет свои тексты, он их разыскивает и перерабатывает в критическое осмысление процесса познания» [Гёббельс: 181]. Работа Хайнера Мюллера с мифом о Геракле, выбор каждый раз новой художественной формы для его воплощения подтверждает, на наш взгляд, тезис Х. Гёббельса.

Таким образом, рассмотрев три разножанровых художественных текста, мы пришли к следующим выводам. К фигуре Геракла Хайнер Мюллер обращается на протяжении всего творческого пути. Отметим, что в черновиках драматурга сохранились записи, указывающие на различные варианты разработки этого образа в дальнейшем: например, «Геракл друг детей + животных — — — / мудрый, добрый и т. д.» [Мюллер: 103]. Не придерживаясь мифологической последовательности подвигов Геракла, Хайнер Мюллер выстраивает собственную траекторию его пути, центральное место в которой, на наш взгляд, занимает вопрос о субъектности Геракла. Разноплановое представление и развитие этого вопроса обуславливает выбор жанра текста. Так, в сатирической пьесе «Геракл 5», носящей острый социально-политический характер, ключевой становится проблематизация зависимого положения Геракла в системе экономических и общественных отношений, своеобразная диалектика раба и героя. Проблема утраты собственной идентичности и способов ее различения выходит на первый план в короткой прозаической интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА», в которой пограничное положение субъекта обнажается за счет пространственного измерения текста. В поэтической форме «Геракла 13», посвященного безумию героя, достигается максимальное языковое и эмоциональное напряжение; судьба Геракла предстает как трагическая. Таким образом, стихотворение, завершая ряд текстов Хайнера Мюллера, разрабатывающих мифологический сюжет о Геракле, является своеобразным итогом как пути героя, так и работы драматурга. Всё вышеизложенное позволяет говорить о создании индивидуально-авторской концепции образа Геракла в творчестве Хайнера Мюллера, которая имеет конкретное историческое

звучание, с одной стороны, и раскрывает экзистенциальную проблему утраты субъектности — с другой.

Источники

Мюллер Х. Медеяматериал / пер. с нем. А. Филиппова-Чехова. М.: libra, 2023. 158 с.
Поэтическая драма: сборник / сост. Э.В. Венгерова. М.: Радуга, 1983. 496 с.

Список литературы / References

- Биктимиров В.Э. Особенности интерпретации античного мифа о Геракле в драмах Х. Мюллера и П. Хакса // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность — современность: коллективная монография / отв. ред. Т.А. Шарыпина, И.К. Полуяхтова, М.К. Меньщикова. Нижний Новгород: Деком, 2018. С. 164—175.
- (Biktimirov V.E. Features of the interpretation of the ancient myth of Hercules in the dramas of H. Müller and P. Hacks, *National codes of European literature in a diachronic aspect: antiquity — modernity: edited collection*, Nizhny Novgorod, 2018, pp. 164—175. — In Russ.)
- Гёббельс Х. Эстетика отсутствия. Тексты о музыке и театре / пер. с нем. О. Федяниной. М.: Фонд поддержки и развития Электротheatera Станиславский, 2015. 272 с.
- (Gebbel's Kh. *Aesthetics of absence. Texts about music and theater*, Moscow, 2015, 272 p. — In Russ.)
- Гугнин А.А. Литература ГДР // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны / отв. редактор В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995. Т. 1. С. 465—518.
- (Gugnín A.A. *Literature of the GDR. History of the literature of Eastern Europe after the Second World War*, ed. by V.A. Chorev, Moscow, 1995, vol. 1, pp. 465—518. — In Russ.)
- Колязин В.Ф. Меж двух миров: рождение духа свободы // Мюллер Х. Проза. Драммы. Эссе. Диалоги / пер. с нем. В.Ф. Колязина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 7—30.
- (Koliazin V.F. *Between two worlds: the birth of the spirit of freedom* // Müller H. *Prose. Dramas. Essay. Dialogues*, transl. from German by V.F. Kolyazin, Moscow, 2012, pp. 7—30. — In Russ.)
- Kluge A. *Transkript: Auf dem Weg zu einem Theater der Finsternisse*. URL: <https://kluge.library.cornell.edu/de/conversations/mueller/film/120/transcript> (accessed: 30.08.2023).
- Kruschwitz H. «Ich haßte jeden Baum und jeden Strauch». Landschaften und Grenzverletzungen bei Heiner Müller, *Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFT*, Bielefeld: transcript Verlag, 2021, S. 217—233.
- Lehmann H-T. Über Heiner Müllers Arbeit, *Merkur*, 1996, no. 50, pp. 542—548.
- Ludwig J. «Meine Grunderfahrung in den USA war die Landschaft». Der Einfluss von Heiner Müllers amerikanischen Natur- und Landschaftserfahrungen auf seine Texte, *Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFT*, Bielefeld: transcript Verlag, 2021, S. 233—253.
- Nitschmann T., Vaßen F. *Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFT*, Bielefeld: transcript Verlag, 2021, 512 p.

THE PORTRAYAL OF HERACLES IN THE WRITINGS OF HEINER MÜLLER

Anna S. Frolova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, froenka@yandex.ru

Abstract. The paper examines the evolvement of the portrayal of Heracles in the works of Heiner Müller: in the drama “Heracles 5” (“Herakles 5”, 1964), the interlude “HERACLES 2, OR HYDRA” (“HERAKLES 2 ODER DIE HYDRA”, 1972), and in the poem

“Heracles 13” (“Herakles 13”, 1991). Müller created the three texts in different periods of his practice, and the analysis of these texts shows that the problematisation of Herakles' subjectivity defines the modulation of his representation. Heracles experiences a kind of existential tragedy: he moves from the realisation of his dependency in the system of socio-economic relations to almost complete loss of his identity and then to madness. Heiner Müller historicised the image of Heracles and put it in correlation with socio-political realities of his lifetime. This conclusion is particularly relevant to the analysis of the Heracles 5, the satire on both the capitalist and the socialist modes of production and social organisation, and “HERACLES 2 OR HYDRA”, the part of the “Cement”. These texts associate the figure of Heracles with the embodiment of both the hero of socialist labour and the «new man» respectively.

Keywords: classical antiquity, dialectical image, subjectivity, satirical play, interact

Acknowledgments: the work was supported by RSF (project No. 23-28-00559 “Antique code and studies of Russian-German Theatrical Interconnections”)

For citation: Frolova A.S. The portrayal of Heracles in the writings of Heiner Müller, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 30—37.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Фролова Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, преподаватель, научный сотрудник кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, froenka@yandex.ru

Frolova Anna Sergeevna — Candidate of Sciences in Philology, Lecturer, Researcher at the Department of Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, froenka@yandex.ru